

Юрий Ефименко

Старость
в околонуточной
степени

Юрий Ефименко

Старость в околонаучной степени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43631608

Старость в околонаучной степени: СУПЕР Издательство; 2019

ISBN 978-5-9965-0358-2

Аннотация

«Эти записи я никогда не задумывал – сложились сам по себе. Как приходит всякий вечер, не спрашивая, ждешь ты его или нет, и остается лишь наблюдать его со спокойствием, коль, понятное дело, следом – привычная неизбежность ночи.

Они – подоспевший интерес простого распознавания ближайшей дороги.

В юности мы так торопимся поскорее в полноту взрослой жизни – ни минуты свободной! Но и в молодости еще не способны на умелое высматривание наперед в потоке несущихся навстречу событий и дел. И зрелость под грузом обязанностей и обстоятельств, мыслей и забот о своем положении, о тысяче других назревших вещей не очень расположена к тратам времени без очевидной пользы для карьеры, доходов, семейного благополучия...»

Содержание

Ваше высочество старость!	4
Итак, шестьдесят!	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юрий Ефименко

Старость в околонаучной степени

Ваше высочество старость!

Эти записи я никогда не задумывал – сложились сам по себе. Как приходит всякий вечер, не спрашивая, ждешь ты его или нет, и остается лишь наблюдать его со спокойствием, коль, понятное дело, следом – привычная неизбежность ночи.

Они – подоспевший интерес простого распознавания ближайшей дороги.

В юности мы так торопимся поскорее в полноту взрослой жизни – ни минуты свободной! Но и в молодости еще не способны на умелое высматривание наперед в потоке несущихся навстречу событий и дел. И зрелость под грузом обязанностей и обстоятельств, мыслей и забот о своем положении, о тысяче других назревших вещей не очень расположена к тратам времени без очевидной пользы для карьеры, доходов, семейного благополучия.

Но старость вынуждает. Если не заглохло вконец природное любопытство.

Ах, старость! Родная ты моя! Чего только не наговорили о тебе бездумно! Как только не судят-рядят! И добро безоглядная бы молодежь: сами же старики-страдалцы первыми признаются в собственной на что-либо путное негодности. Даже бы на грехи. Оттого, может, и гневаются, когда бы порадоваться, что появилось время призадуматься, если ты не разучился этому всеобщему и самому незаменимому человеческому ремеслу.

Впрочем, кому нужна слабеющая умом и телом старость, беспомощное завершение земного бытия?! Сами же старики клянут нерадостью.

Да полно!

Не понапрасну рождена предками заповедь «Береги честь смолоду». Ой, как сгодится! Ибо где честь, там и ум, сердце, совесть, а без них на крутизне лет не бывать вочеловеченному счастью! С тем и нажитые знания, коль велики, ничуть не запечалят душу. Но и не будут напрасны, как думают иные из-за ошеломления от внезапно, как первый снег для нерадивых дворников, нагрянувшей старости. Наша мудрость – в остроте душевного зрения! И она нужна всем.

А недостало желания раньше, то сейчас, когда отступить некуда и негоже, углубленное прочтение книги старости крайне необходимо. Для верности теплого общения со всем миром, как и бесстрашия честного разговора с самим собой, не тяготясь предписанной неизбежностью, а лишь дружелюбно уступая дорогу тем, кто пойдет энергичнее и даль-

ше нас. С крепкой верой в них, а не с горечью проклятий в их благополучный адрес.

Так, перебравшись в новую для себя страну, не худо выучить язык и обычаи ее народа.

Итак, шестьдесят!

И будто подоспело время эвакуации из жизни: одно – в госархив, другое – в музей, а это уничтожить, выбросить, раздать...

В преддверии последнего, предфинишного рывка и ускорения, коль за красной чертой наверняка не останется ни сил, ни времени на эту неизбежную и простую работу, стоит прибраться заранее – глядишь, на душе спокойнее будет.

Уход, как и рождение, тоже процесс, а не только акт смерти. И наилучшее дело – быть честным перед собою и людьми.

* * *

«Эвакуация из жизни» – не уход как таковой. Просто понимание того, что тебе взлететь, коль хочется или очень надо, уже в последний раз. И вот, нравится или нет, ты откладываешь вещи, без которых именно в этом и таком полете наверняка обойдешься. Осознание истины, что вышел на последний отрезок своего бытия, и далее – неотвратимый и невозвратимый финиш.

Это, в наиважнейшей своей сути, – освобождение от всех и любых иллюзий, цепляющихся по инерции за тебя и твои дела, а с ним – и честный шаг в твое сокровенно последнее

будущее, когда ты жесточайше обязан не доживать, догорая, как свеча, а сделать или доделать все наиважнейшее для тебя и людей, без чего стыдно и горько будет умирать.

И все это – правда. Очевидная, как смена дня и ночи.

* * *

Позвонила Фаина Ивановна Грачёва, жена давно ушедшего писателя Грачёва, с напоминанием, что настоящее имя ее – Ефросинья, и попросила передать это в Союз писателей. Все тот же тихий, неизменно спокойный голос с его донской душевной углубленностью и с казачье-крестьянским пониманием заведенного порядка вещей: «Я скоро умру».

С прикосновением к миру грустью и ясностью судьбы, но не ожесточением или раздражением против нас, остающихся.

Именно с просьбой, а не требованием. С признанием всеобщей неизбежности, а не воплем возмущения и ярости: отчего это вдруг ей умирать?..

Последнее на конечной своей старости, чему учат жизнелюбивые люди, – это умению не просто умирать, а уходить с достоинством взаправду любившего и по-прежнему уважающего жизнь человека.

* * *

Хорошо понимаю: мне отчетливо светит выразительно одинокая старость. И не дай бог свалиться в одну из караулящих нас болезней, где без сторонней помощи не обойтись (уж лучше скончаться в одночасье!) – неизбежно тяжелая смерть.

Но зачем же и перед угрозой нелегкой кончины отказываться или сторониться светлой человеческой жизни!

У меня была прекрасная мечта. И не повезло мне – повезет другому упряму!

* * *

Прелюбопытно: чаще всего к старости маразмируют злые и глупые. Добрые сохраняют ясный ум до последнего часа. Степень сугубо старческого маразма поразительно соотносится со степенью доброты или зла в душе. Здесь я понимаю добро и зло шире бытового взгляда, ибо человек, живущий лишь для себя, даже не обижая никого, все равно носитель зла. Равнодушие – исток всех зол.

Доподлинно умный человек, со всесторонне развитым умом, непременно добр, признавая доброту фундаментальной человеческой истиной. Не стереть никакой старостью.

Ум и доброта – качества объемные, а вовсе не возрастной признак!

* * *

Что плохо с очевидностью последней молодости? Все меньше интереса к жизни вокруг.

Но полно же! Не вообще к жизни (это из области идиотизма!), а к окрестной, где завязаешь в бытовой трясине бездарно и никчемно. Проку ни себе, ни людям! К ее слишком безнадежной для улучшения части: к власти и выборам, к возможности образумить мерзавцев и лакеев, прихвостней и продажных. Коль видно, насколько это смешно в одиночку: работа столетий, если не тысячелетий, и поколений, никак не отдельных героев.

Окрестности исхожены вдоль-поперек и хорошо известны – в предательствах и дружбе, в ненависти и любви, в рассуждениях и поступках. И немало одолено заборов, рвов, колючей проволоки, но не обнаружилось обилия людей деятельных, умных, порядочных. А никаковские не увлекают.

Но уход этого движущего смолоду интереса – не из области прямых потерь. Ты просто отдаешь себе отчет в том, как, что и сколько сумеешь сделать и пережить. Подлинно человеческого! Становясь откровенным реалистом, не более. И разве же это ущербность – не откладывать уже ничего на завтра, вообще впрок, а пройти и почувствовать строго сего-

дня? Включая радость удачи или боль очередного предательства.

Нет, нормальная старость – не угасание, а лишь сосредоточенность на давно выбранных определенностях. И в ее приходе, слепом и очевидном наступлении, не должно быть ни горечи, ни раздражения, ни печали. И не стоит жаться к обочине передохнуть, наблюдая, как вперед уходят другие, моложе и целеустремленнее. Та же дорога с тобой. И ты все тот же. Просто тебя не гложет голод честолюбия, и оно наконец-то приобретает самую законную из своих форм – стать и оставаться именно человеком. А по сегодняшним правилам – еще и не благодаря условиям и обстоятельствам, а вопреки им, черт возьми!

Человеческая молодость и старость – не в гладкости кожи и крепости мышц, это дано и животным, а в росте ума и души, в их подвижности и устремленности. Скотолюди моей современности, как и предыдущих эпох, – отнюдь не пример.

Да здравствует неотвратимость старости!

Она лишь открывает новые праздники и новые возможности.

* * *

Да, с возрастом, когда его накопишь немало, уходит былая жажда жизни, жадность жить, с которой ложишься спать и встаешь (подскакиваешь!) утром.

Но и сегодня я уверен: все дело не в нашей человеческой природе как таковой, словно мы угасаем, подобно растению или животному. Проблема только в примитивности, в убогости всеобщего уклада, который правит бал вокруг. И только при сильной натуре или в очень счастливых обстоятельствах можно хоть в девяносто, хоть в сто лет сохранять достаточную истовость в любви к жизни.

* * *

Мозг в старости слабеет лишь в том случае, если он так и не был в полной мере своих возможностей функционально загружен.

То, что происходит далее, – просто обнажение, дисфункция мозга по причине ухода из активной части жизни.

Истина малоприятная для моих современников, но очевидная.

* * *

И приходит время (должно быть, сверхзрелость!) – начинаешь на самом себе паразитировать, заглядывая в старые записи, наброски, размышления и планы, искреннейше благодаря свою молодость и раннюю зрелость, которые, несмотря ни на что, так много успели увидеть и записать, а тем са-

мым и подпитать грядущую (не абы дотянуть!), но неутоми-
мо творческую старость.

* * *

Но и у старости есть свои неоспоримые преимущества! И
для начала – куда меньше отвлекает и мешает работать, чем
молодость.

* * *

Со зрелостью, на подступах к старости, мы становимся не
скептичнее, не трезвее или рациональнее, а просто устойчи-
вее в истинах, за которые заплачено дорого. Да и не только
нами самими.

В молодости этому мешает безудержная тяга к движению,
а то и бег сломя голову вперед, как и кипение надежд на бу-
дущее.

Опыт, уменьшая скорость, расширяет жизнь и взгляды. И
в том больше счастья.

* * *

Старость в действительности и есть зрелость. Просто зре-
лость организма и зрелость человеческая, умственная и ду-

шевная – не одно и то же.

Когда-то они, наконец, совпадут. Но для этого нужно дольше жить и умнее быть. А значит, выстроить жизнь куда просторнее для человечности и талантливости.

Пока же она – пигмейская. Да сплошь и рядом вполне зоологична.

* * *

Какое удивительное превосходство старости: так ненад-рывно даются и обходятся душе потери! И не по смерти – живых. Да и не просто живых – тех, кого числил в близких людях. Будто иного и не должно быть.

* * *

Ближе к старости житейская смелость в том и состоит, чтобы отчетливо понимать и спокойно воспринимать свою смертность и неизбежность ухода. А, признав, и соответственно поступать: не строить иллюзий о своей вечности, «реинкарнации» и прочих завязтых вымыслах. Куда важнее еще более прежнего поддерживать вокруг себя жизнь, будь то лес, река, животные, а уж тем более достойные твоей, более опытного и умудренного человека, поддержки люди, окрестные и дальние, предки и потомки.

Не издеваться над ними с высоты своего положения, как очень любят недалекие имяреки.

Для настоящей старости куда важнее растить, а не вытаптывать, создавать, а не разрушать, благодарить жизнь, а не проклинать, ненавидя ее уже за то, что она выскальзывает из рук, уходя дальше с другими.

Именно такова природа человека.

* * *

Да нет же, старость – далеко не из худших состояний: так хорошо успокаивает в надеждах. И прежде всего в напрасных!

* * *

Похвала старости!!!

Она уже на пороге. И пока вежливо, но уже все настойчивее стучится в двери.

Никто не торопится их открыть перед нею. И тянут – встать и подойти, взяться за ручку и распахнуть...

Но полно же! Чем сильнее и настойчивее вы будете противиться и закрывать глаза на неизбежность ее вступления в права на ваше жилище, тем тяжелее будет расплата.

Не надо шараться, бегать от нее по углам – она все рав-

но, не интересуюсь, как мы к ней относимся, рано или поздно становится хозяйкой в нашем доме.

* * *

Со взрослостью, а тем более старостью в жизни все дороже время. И потому, что выучиваешься делу все лучше, все квалифицированнее работается. И потому, что все постыднее перед собой за несделанное и недоделанное, смолоду задуманное.

* * *

Для думающего человека старость как Сталинград: отступать больше некуда!

* * *

В юности, едва набравшись кое-каких знаний, мы всей личностью стремимся заявить о себе, своих убеждениях, открытиях, намерениях.

В зрелости, если знаний человечества только прибавлялось, хотели помочь людям, раскрыть им глаза, сделав их своими союзниками или собратьями. В полной зрелости, к старости – сохранить и донести эти великие знания и радость

творчества и сотворчества до тех, кто их готов воспринять.

* * *

О нытики! Не воспринимайте возраст как потери. Возраст – это и приобретения!

* * *

Действительная старость и трагедия старости заключены не в том, что вдруг попадаешь в неожиданные, вполне неандертальские по генезису условия и правила принятой производственно-государственной системы, под действие нормативных актов, уложений и проч., которые шаг за шагом ограничивают и уменьшают твое участие, а затем и присутствие в жизни. И даже не в том, что оказываешься под прицелом различной гнусной публики из жуликов, мерзавцев и прямой уголовной мрази или стаи озверевших детей, которые в лучшем случае вырвут сумку на улице. Рискуешь оказаться под пухнувшей угрозой ограбления, издевательства и убийства.

Гораздо хуже, тяжелее осознание того, что ты не только тут и там, так или этак вычеркиваемый из жизни всем окружением – ты и сам должен останавливать себя в том или ином. Не можешь позволить себе даже завести кошку или собаку, заранее зная, что, коль нет за спиной искренне забот-

ливых близких, то обрекаешь животное тотчас после твоей смерти на незаслуженные, непонятные ему страдания с вышвыриванием на улицу, в голод. Гарантий на твое чрезвычайное заживание и раньше немного было, а сейчас, когда лишний год-другой протянуть старикам можно не благодаря чему-либо, только вопреки всему, и вовсе нет.

Эк, совпало!!! На каком же обороте написано: со строчками из «Старинного друга...» с мечтой о своей старости: «поселиться на окраине, подле самого моря, у невысокого обрыва, откуда нетрудно спуститься к воде, в небольшом доме с камином, в очевидном одиночестве, но при большой собаке».

* * *

Бросьте, братцы, клепать на старость, будто беспмятливей становится. Просто площадка использования мозгов, коль вывели человека из дела, все уже, а дел и отношений все меньше. Сослуживцев как ветром сдувает, друзья уходят, а новых не сыскать. Да и болезни не располагают. Все именно так. И не ее вина.

Всякий из нас с возрастом слабеет памятью вовсе не от старости – от шаг за шагом выхода из жизни.

Создайте условия, университеты и производства для стариков – юных заткнут! Им-то не приобретать, а только прибавлять, восстанавливаясь!

* * *

Старость примечательна еще и тем, что в отличие от непримиримости детства принимаешь наконец окончательно и бесповоротно простой факт нашей всеобщей и личной смертности.

* * *

Сознание старого человека определяет не возраст как таковой, а наличие и развитие творческого начала, степень выявленности или не востребованности его умственных способностей, гарантированно данных природой, но не обязательно действующих, особенно при полном невнимании к ним самого имярека.

И старость лишь тогда приговорена к слабоумию, когда вся жизнь была скорее добросовестным отбытием дней и обязанностей под строгим надзором все более и более простейших и наконец просто примитивных потребностей.

Нельзя одного и того же состояния ожидать от безукоризненно, до пустоты вышколенного лондонского клерка и от неугомонного ирландца Бернарда Шоу.

* * *

Старость – это противоречие между инерцией молодости в душе и неуклонно сдающим телом. И выход один – в постоянной корректировке зыбкого баланса желаний и возможностей.

Но бог ты мой! В любом нашем состоянии (в иных случаях и при смерти) есть свое счастье!

* * *

Да, старость – в очевидности растущего противоречия между мощью твоей квалифицированности и слабеющей работоспособностью.

А самый существенный ее недостаток – невозможность начать новую жизнь! Тут бы, черт возьми, и старую-то не потерять ненароком.

* * *

Наиболее верный, действительно оптимальный и, безусловно, всеобщий путь увеличения продолжительности нашей жизни, всестороннего укрепления здоровья – вовсе не в успехах здравоохранения и фармацевтики (в денежном

укладе их успехи и сами системы куда ловчее эту жизнь сокращают!), а в настойчивой и целеустремленной работе по преобразованию нашей социальной природы (всего, что составляет и определяет повседневность) до максимальной востребованности именно человека с постоянством развития в каждом и у всех глубоко человеческих свойств и качеств. Путь возрастания функциональной потребности – именно в этих качествах и свойствах, неизменности роста их востребованности ежедневно и ежечасно.

Преждевременная человеческая дисфункция в имяреке, всего заложенного в нем, начиная с космогенеза и завершая вкладом истории, – вот самая смертельная болезнь доньше (но не навеки!). И генный аппарат, сколько в нем ни копайся, тут вторичен. Никакие пилюли бессмертия кардинально ничего не изменят.

Дайте людям общественное бытие на уровне, достойном именно человеческих потребностей, качественно развивающих поколение за поколением, и они будут жить и сами по себе, без профессионально-медицинской поддержки, выбрав не только элементарно здоровый образ жизни, но и достойные себя цели, самое малое полтора века.

Ибо раннее наше старение прежде всего и напрямую связано с ущербностью наличного социального уклада. Генный

аппарат лишь следует за ним. Потому и долгожители, кому так или иначе повезло, у нас не норма, а исключение.

Объем востребованности глубоко человеческих начал и достоинств сегодня низок до жути. И современный человек живет не более, чем ему отпущено, как и животное. Даже те, кто возвышается над средним, зависят от общей кислотно-щелочной среды людской жизни, в которой преждевременно и никчемно расходуются огромнейшие умственные и душевные силы.

Не самый слабый из примеров демонстрирует наша страна, где к началу XX века средний срок жизни немногим переваливал за тридцать лет, а всего несколько десятилетий спустя, с очевидностью качественных изменений как раз социального бытия, он увеличился более чем в два раза! И, наоборот, с торжеством идиотизма и мерзости в качестве основ и принципов общественно-государственного строя статистика скатилась до уровня слабо развитых африканских стран. И даже те, кто урвал куш в неразберихе и беспределе, не могут уйти дальше потребляйства, оскотиниваясь так или этак и теряя свою человеческую функциональность со всеми вытекающими последствиями.

Да, здоровье – это функция. Но первейше – именно человека, а не имярека как такового, у кого это лишь просто срок

жизни как переходное состояние от одного небытия (с рождением) к другому небытию (смерти).

Проще говоря: нездорово общество – нездоровы и мы!

Ибо здоровье – это жизнедеятельность, а не набор положительных анализов.

* * *

Донское кладбище. У своих.

Чем бывают близки давно и навсегда ушедшие люди? Обязанностью помнить их по тому или иному правилу, случаю, поводу? Обязательством нашей совести? Предписанностью ритуала? Почему навещаем их, поднимая из памяти?

Но, может быть, все дело в том, что с ними при каждой из встреч восстает из небытия и дорогая часть нашей собственной жизни, за которую им благодарны, сколько б не минуло лет. И с тобой, пусть и недолго, побудет тот, кем ты сам был с ними и кого, по воле судеб приняв в сознание, в свои переживания, заботы и мысли, они однажды унесли с собой. И он тебе так же навечно дорог, как и они.

И в твоём сознании, в отличие от кладбища, они всегда тебя ждут не горсткой праха, а полнотой встреч, отношений и чувств.

* * *

Он тяжело болен старостью. И она уже захватила его тело, душу, разум прежде всех других серьезных болезней при его же собственном попустительстве. И этот некто – не просто один из ругаемых современников, а родной брат, будто выросли мы в совершенно разных домах, условиях и обстоятельствах, будто и гены абсолютно разные у нас у нас. В постепенной сдаче в себе доказуемо человеческой личности с выпусканием своей талантливости в свисток.

Вот подоснова гражданских войн последних столетий: столкновение тех, в ком живы ум, душа и совесть, с теми, кого душевное старение прихватило смолоду, отчего и сопротивляются новизне. И теперь старость их уже ничего не производит, кроме навоза, а всякая подкатившая копейка рождает жадность. Тут и болезням законное место!

* * *

Не знаю разочарований возраста – только разочарования временем, за которое столько пройдено никчемных отношений, что нельзя не разувериться в чем-то, в ком-то и прежде всего – в способности большинства людей искренне, надежно и последовательно любить, дружить, идти рядом по труд-

ной дороге, а праздновать вместе светло и легко.

Разумеется, возраст и время прямо связаны, но открытие этих неумений, да и безнадежности их (все не далее разговоров, обещаний и заверений!), сделаны давно. И с годами, когда оных много, приходит ничуть не разочарование, даже не усталость из-за несбывшихся надежд, а простое человеческое «тьфу!» Не мешайте хоть, черт возьми, коль не можете помочь!..

Время – это то, что ушло, а возраст – то, что есть. И не стоит их путать.

* * *

Продление жизни человека (человечества, а не удачливых особей) произойдет реально и ощутимо лишь в ту пору, когда будут востребованы все его глубинно подлинные способности (не путайте с «резервами»), начиная с универсальной и выделанной эпохой талантливости.

Ключ именно в этом, а не в успехах медицины и фармакологии как таковых, от которых далее потребуется все меньше и меньше усилий.

Наивысшее в надежности средство продления человеческой жизни – раскрытие нас в объемной сущности, во всей полноте заложенных в нас свойств и качеств, во всей мощи природного дара, заброшенного, глядишь, в самый пыльный угол самого дальнего чулана.

Именно это – настоящее содержание здорового образа жизни, где просто нет, само собой, места «вредным привычкам», начиная с первой – неуважения к человеческой природе в себе и к потребностям именно ее бытия, а не своего физического наличия.

Да, мы будем жить долго и весьма долго, но лишь функционально человеком!

* * *

У Рембрандта – благородство старости! Старости благородной личности, кем бы ни была эта «Пожилая женщина» (1650–1652), оставшаяся с нами навеки со всеми ее глубокими, спокойными мыслями, в которых куда больше человеческого достоинства, чем в парадных портретах пышных персон всех веков и народов.

* * *

Стареющие люди – не прибавление морщин, а те, у кого все заметнее сдают мозги. И по собственной вине! Но их возрастная глупость проявляется еще с молодых лет в убеждении, что перед ними всегда были и есть виноватые – родители, школа, улица, государство, общество, но никак не личная умственная и душевная лень!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.